

УДК 82.091  
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

**Крашенинникова Ольга Александровна,**  
кандидат филологических наук,  
Институт мировой литературы им. А. М. Горького,  
Российская академия наук,  
ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Российская Федерация  
E-mail: krashennnikova.61@mail.ru

### **АНОНИМНОЕ СОЧИНЕНИЕ «МОЛОТОК НА “КАМЕНЬ ВЕРЫ”» И ЕГО ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ АВТОР**

**Аннотация:** «Молоток на “Камень веры”» — анонимный русский лютеранский памфлет, написанный около 1731 г. против книги «Камень веры» (1728) митрополита Стефана Яворского. Происхождение этого сочинения до сих пор является загадкой, как и имя его автора — неизвестного «русского лютеранина». В исследованиях прошлых лет не предпринималось попыток выявить все известные рукописные списки этого сочинения, определить его автора, время и обстоятельства его создания. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо было провести архивные изыскания и выявить наиболее авторитетный список сочинения. Второй целью исследования было охарактеризовать комплекс общественно-политических взглядов автора и полемический контекст памфлета. Автор «Молотка...» выступает как безусловный сторонник церковной реформы Петра I. С этих позиций он ведёт критику консервативно настроенного духовенства — покойного митрополита Стефана Яворского и его единомышленников. Идейная и стилистическая близость анонимного сочинения к «Духовному регламенту» Феофана Прокоповича позволяет предположить в обоих случаях авторство архиепископа Новгородского Феофана. Целью создания памфлета было добиться правительственного запрета «Камня веры». Однако в «Молотке...» прослеживаются также следы иноязычного сочинения. Немецкие связи Феофана ведут в Германию, к известному лютеранскому богослову Д. Э. Яблонскому, автору неопубликованного сочинения «Молот слова Божьего, который разбивает камень» (около 1731). Представляется, что отдельные фрагменты этого сочинения были использованы Феофаном при создании его «Молотка...».

**Ключевые слова:** Феофан Прокопович, Стефан Яворский, «Камень веры», «Молоток на “Камень веры”», Д. Э. Яблонский, лютеранская полемика, соединение церквей.

В 1728 г., уже после смерти автора, вышла в свет знаменитая книга митрополита Рязанского и Муромского Стефана Яворского «Камень веры», которая была воспринята как основополагающий православный манифест многими поколениями русских людей. В исследовательской литературе XIX в. немало внимания было

уделено истории лютеранской критики этого сочинения Яворского [6, № 9, с. 302–316; 14, с. 386–407], хотя многое в ней по-прежнему остаётся невыясненным. Речь в нашей статье пойдёт лишь об одном эпизоде развернувшейся полемики — об известном анонимном памфлете против Стефана Яворского, написанном в России в начале 30-х годов XVIII в. и получившем название «Молоток на “Камень веры”». Учёные прошлого не предпринимали попыток определить возможного автора памфлета. По распространённому мнению, это был протестант, лютеранин, возможно, какой-то немецкий пастор, долгое время проживший в России. Недавно современным исследователем был впервые поставлен вопрос об авторе этого сочинения и сделана попытка ответить на него [5]. В краткой вступительной статье к публикации «Молотка...» А. Б. Григорьевым были рассмотрены возможные кандидатуры на авторство этого сочинения: Феофан Прокопович, лютеранские пасторы на российской службе, Феофил Кролик, Антиох Кантемир<sup>1</sup>.

На сегодняшний день нам известны три рукописных сборника, содержащих списки этого сочинения: НИОР РГБ, ф. 256, № 467 (лл. 1–31 об.), ОР РНБ, F. XVII. 11 (лл. 37–59 об.)<sup>2</sup>, ИР Национальной библиотеки Украины, № 341/714 С<sup>3</sup>. Московский и киевский списки озаглавлены как «Рассуждение о книге “Камень веры”», петербургский — «Возражения, сочиненные против Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского». Название «Молоток...» применительно к данному анонимному памфлету встречается лишь в заглавии сочинения митрополита Арсения Мацеевича, написанного в середине 1750-х гг. как опровержение на этот памфлет: «Возражение на пашквиль лютеранский, нареченный молоток на книгу Камень веры, который молоток показался быть восковый, яко воск от лица огня, сиречь от слова Божия, и самая истинны исчезнувший» [1]. Текстологический анализ московского и петербургского списков «Молотка...» показал, что в них представлены разные редакции памятника, причём более полным, грамматически верным и близким к оригиналу следует признать именно петербургский список F.XVII.11 (хотя и в его тексте содержится немало искажений и ошибок).

В рассматриваемом анонимном сочинении Яворский представлен как тайный католический агент, действующий в интересах папы, сознательно противящийся церковной политике Петра I и вынашивающий честолюбивые планы восстано-

<sup>1</sup> К сожалению, публикацию текста «Молотка...» в данном издании [5, с. 108–148] следует признать неудачной, не отвечающей научным требованиям. Приводя текст по испорченному списку ОР РГБ, Рум. 467 и не зная о наличии списка ОР РНБ F.XVII.11, публикатор во множестве случаев вынужден приводить более верные чтения, заимствованные из «Возражений на пашквиль лютеранский...» Арсения Мацеевича [1] (по списку Ярославского государственного архива, ф. 59, ед. хр. 1048), который, в свою очередь, опирался на текст списка «Молотка...» другой редакции. Таким образом, в публикации А. Б. Григорьева образовался некий новый текст, загрязнённый из двух различных редакций памятника.

<sup>2</sup> В дальнейшем ссылки на листы этой рукописи даются в тексте в круглых скобках.

<sup>3</sup> Об этом списке нам известно только по библиографии, приведённой в публикации Ничик В. М. [11, с. 180]. Мы не рассматриваем как самостоятельные списки цитаты из «Молотка...» в составе упоминавшегося «Возражения на пашквиль лютеранский...» Арсения Мацеевича.

ления патриаршества. Местоблюститель обвиняется во всевозможных грехах: в неповиновении царю и саботаже его поручений, страсти к стяжанию и роскоши, в симонии, сочувствии политическим заговорам против царя Мазепы и царевича Алексея. Автор памфлета хорошо осведомлён в подробностях биографии Яворского, включая киевский период его деятельности, и умело использует их для доказательства якобы католических симпатий митрополита. В памфлете неоднократно встречаются упоминания различных политических дел и процессов петровского времени, к которым имел отношение Яворский: дело Григория Талицкого, Дмитрия Тверитинова, Варлаама Левина. Автор неоднократно ссылается на «Духовный регламент» и указы Петра I, он демонстрирует знакомство с проповедями митрополита Стефана и как очевидец описывает тот эффект, который они производили на слушателей. Он с уверенностью судит об отношении Петра I к книге «Камень веры» и знает, почему она так и не была напечатана при жизни автора. Всё это выдаёт в авторе человека, хорошо осведомлённого в нюансах русской церковной и политической жизни последних десятилетий, принадлежавшего к высшим слоям придворной аристократии, единомышленника и почитателя Петра I, крайне враждебно настроенного к покойному местоблюстителю патриаршего престола. В сочинении находится множество содержательных и стилистических параллелей к различным трудам Феофана Прокоповича, в частности, к некоторым его проповедям и составленному им «Духовному регламенту».

Автор «Рассуждения...» хорошо знаком с текстом «Духовного регламента», который высоко ценит и постоянно цитирует. Так, он ссылается на следующие постановления Регламента, а также на распоряжения и указы Синода: упоминает изложенные в начале «Духовного регламента» причины учреждения Синода взамен патриаршества, ссылается на указ не печатать книг без апробации Синода, на запрет царём проповедей «на лица» и использование вымышленных примеров и историй в поучениях, упоминает указ о перечислении из монастырских доходов двадцатую часть на училища («Духовный регламент», гл. «О епископах», п. 11), а камер-коллегии — по 1000 руб. на обучение магометан, обращённых в православие. Упоминается инструкция царя, данная в 1724 г. Баскакову о распределении монастырских доходов на устройство школ и богаделен. В полном соответствии с оценкой монашеского сословия как сословия бездельников и тунеядцев (см. Прибавление к «Духовному регламенту» — петровский Указ о монашестве 31 января 1724 г.) критикуется монашество и в «Рассуждении...». В памфлете содержатся дословные цитаты из «Духовного регламента»:

...нахалством и лукавым смирением  
чуждые труды подают [12, с. 304]  
(«Духовный регламент» о нищих)  
...немощные нищие остаются, иные же  
полумертвы, почитаи, на улицах лежат  
... и голодом истаевают.  
(«Духовный регламент», часть третья,  
глава «Должность», п. 12 о милостыне)

[12, с. 304]

...монахи чуждые труды  
подают...  
(«Рассуждение», л. 42 об.)  
Где же видим толико, яко  
в России, дряхлых и увечных  
и немогущих иметь пропитания,  
по улицам лежащих,  
от глада и хлада исчезающих?

(«Рассуждение», л. 52)

Эти совпадения не могут быть случайностью, поскольку и автор «Регламента», и автор «Рассуждения...» на многие вещи, связанные с церковным устройством, смотрят одинаково. Перечислим некоторые точки их идейного совпадения по самым разным вопросам церковной жизни.

Во-первых, в обоих документах встречается обвинение духовенства вообще (как низшего, так и высшего, вплоть до патриархов), и в особенности митрополита Стефана Яворского, в склонности к мятежам и бунтам против государственной власти, а в памфлете наглядно показывается, как Яворский якобы во всём противился мудрым указам царя, саботировал выполнение его распоряжений и даже участвовал в политических заговорах против царя: «Было на него подозрение, якобы он соучаствовал бунту Мазепину и царевичеву против государя преступлению» («Рассуждение...», л. 43 об.) — ср.: «К бунтам склонны, восприемля надежды высокая...» («Духовный регламент» — [12, с. 284]). Аналогичны обвинения митрополита Стефана в тайном стремлении к патриаршеству: «Крайним прилежанием трудился, како бы возмог чин и власть Патриарха получить, для которого дары многим раздал великие» («Рассуждение...», л. 40 об.) — ср.: «Пред властями над меру смиряются, но лукаво, чтоб так украсть милость их и пролезть на степень честный» [12, с. 284]. Характерны также многочисленные обвинения Яворского в «угождении папе» в «Рассуждении...»: «Как оные езуиты никаков грех противу угождения отец<sup>4</sup> их не вменяют..., так и сей разсуди восприял» (лл. 40–40 об.), «О краже не меньше папешской ваше учение и прилежание распространяетца» (л. 49 об.) — ср.: «Се терн, или паче рещи жало, но жало се змиино есть, папешский се дух...» («Слово о власти и чести царской» [12, с. 148]). Оба автора осуждают Стефана за его манеру проповедовать: за его обличения на лица («Накрепко Его Величество запретил, дабы никто <...> персонально поносить никого не дерзал» («Рассуждение...», л. 40) — ср.: «Обычай неким проповедникам есть, аще кто его в чем прогневит, на проповеди своей мстить оному...» [12, с. 294]) и за использование в проповедях театральных эффектов («Он мог в поучении слышателей привести плакать или смеят[ь]ся» («Рассуждение...», л. 39 об.) — ср.: «Не надобно... смеяться, да не надобе и рыдать: но хотя бы и возмутился дух, надобе, елико мощно, унимать слезы, вся бо сия лишняя и неблагообразна суть...» [12, с. 295]).

Обоих авторов отличает презрительное и уничижительное отношение к духовенству и явная симпатия к власти царской и светской. Так, Яворский предстаёт в «Рассуждении...» как лицо политически неблагонадёжное и исполненное всевозможных пороков и зол («Твоя же уста горести и льсти, язык изощрен, яко змиин яд, сердце желанием властолюбия и гордости, утроба крови и сребролюбия и ненависти преисполнена», л. 59 об.), российское духовенство в целом — как склонное к бунтам, пьянству, бесчинствам и увеселениям во время постов и церковных праздников и т.д. В «Духовном регламенте» перечисляются те же пороки духовенства (плюс невежество и суеверие, склонность к обманам с целью обогащения) и постоянно подчёркивается необходимость светским лицам всячески

<sup>4</sup> В Рум. 467 более верное чтение *отцу* (т. е. папе).

контролировать деятельность духовных лиц (институт фискалов). В обоих сочинениях даётся отрицательная оценка монашества как бесполезного для общества сословия, не желающего выполнять свой гражданский долг перед обществом. Обоим авторам свойственно отрицательное отношение к епископскому чину за превозношение им своей властью и стремление к внешней пышности. Оба пренебрежительно относятся ко всякого рода молебным службам, акафистам, гимнам и вообще к церковной гимнографии в целом, так как не признают почитания святых и их изображений — икон (так «Регламент», осуждая «суеверия», настойчиво предостерегает от почитания псевдочудотворных икон и «сомнительных» мощей, от веры в «ложные чудеса», вымышляемые в целях обогащения; мало того, требует разыскивать и доносить властям обо всех случаях подлога).

Автора памфлета отличает восторженное отношение к фигуре покойного Петра I, который в сочинении выступает как антипод Яворского и которому Яворский постоянно проигрывает, несмотря на всю свою учёность. Во многих местах Пётр превозносится как правитель, «не именем или ростом, но даром Божественным и его делами великий», «разумом и всеми делами вечных похвал достойный», «законодавец и учитель мира и любви». Ему и приписываются все предпринятые в Русской церкви реформы и начинания (так, он изображён как автор «Духовного регламента» и других указов). Можно сказать, что время Петра Великого автор «Молотка» вспоминает с ностальгией. Однако он с горечью вынужден признать, что многие хорошие начинания и реформы царя остановились из-за его безвременной кончины. Для автора время после смерти Петра было критическим, так как тогда партия единомышленников ненавистного ему Яворского стала поднимать голову и претендовать на власть в Синоде, дело реформ Петра пошло вспять и, как никогда, была близка опасность восстановления патриаршества. Он пишет: «Смертью Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, Феофилакт Лопати[н]ской, епископ Тверский, Георгий Дашков был уже от Петра Перваго в заточение определенныи, потом епископство Ростовское прият, також епископ Алексей Титов Коломенский<sup>5</sup> помощию суеверных, паче же Петру и отечеству неверных рабов, вступя в Синод, все оное доброе семя исторгнули и по своим прихотям прилежа, о тиранстве папезском трудились, ис которых добрый пастырь стада кобыл Дашков уже так блиско был к патриаршеству, что никакова сумнительства к возведению на престол не осталось» (л. 43). В другом месте он пишет, что именно в это время, при собранных при малолетнем императоре суеверных правителях (Долгоруких), сторонникам Яворского удалось нейтрализовать влияние «некоторых дознающих истину, да по резону политики не могущих противитися» оппонентов (т. е. Феофана) и издать книгу «Камень веры». Но после внезапной смерти Петра II политическая власть в России вновь переменилась, и автор памфлета не скрывает своей радости по поводу начавшихся преследований епископов-единомышленников митрополита Стефана: Георгия Дашкова, Игнатия Смола и Льва Юрлова:

<sup>5</sup> В рукописи ошибка, должно быть: *Игнатий Коломенский* (епископ Коломенский Игнатий Смола, 1727 – 2 дек. 1730 г.) Алексей Титов был в то время епископом Вятским (1718–1733), а затем — Рязанским.

«Но смерть Петра Второго и суд Всевышняго все оное не токмо в ничто обратил, но их, яко онаго Растовскаго, тако Коломенскаго, Воронежскаго и других епископов и собеседников их явно обличил, по которому равную мзду восприяли<sup>6</sup>, чего и оставших его вспомошники ежечастно ожидать имеют» (лл. 43–43 об.). «Оставшие его вспомошники» — это, скорее всего, намёк на архиепископа Тверского Феофилакta Лопатинского, преследование которого за книгу «Апокрисис», написанную и ставшую известной Феофану весной 1731 г., началось в середине августа 1732 г., когда он был привезён в Тайную канцелярию в Петербург и подвергнут допросу, а потом содержался на петербургском тверском подворье. Арест Феофилакta последовал позднее, в 1735 г.

В основной части памфлета автор, основываясь на «Предисловии» Стефана Яворского к «Камню веры», подвергает критике православные догматы о призывании святых, почитании икон, постах, добрых делах и вере, как условиях спасения человека, о св. евхаристии и литургии. Он критикует монашеский чин и нетерпимое отношение к еретикам, высказанное митрополитом Стефаном в деле Тверитинова. В целом сочинение не отличается богословской глубиной, а его автор, по-видимому, даже не ставил своей целью создание серьёзного опровержения на труд Яворского. Автор «Молотка...» намеренно создавал оскорбительный карикатурный пасквиль с элементами политического доноса в адрес своего оппонента. Причём обвинения Яворского чуть ли не в государственной измене основывались, главным образом, на его «нетолерантном» отношении к еретикам, к числу которых могло быть отнесено большинство приглашённых на русскую службу лютеран. Это, по мнению автора памфлета, шло вразрез с указами Петра I в отношении иностранцев, наделявшими их в России различными правами и привилегиями.

В конце своего сочинения автор выражает уверенность, что царствующая императрица Анна Иоанновна, «подобная во всем Петру, истинная петрова наследница», не потерпит торжества противников царя Петра I (т. е. Яворского и его единомышленников), и книга «Камень веры» будет запрещена. Об этом недвусмысленно свидетельствуют следующие строки сочинения, обращённые к Яворскому: «Вотще бо плевел сеешь, надеюся, что оным возрасти не дадут, но вскоре с корнем исторгнут. И не допустит подобная во всем Петру истинная петрова наследница, отсечет ухо рабу, держащему<sup>7</sup> на помазанного Божия» (л. 58). Под этим иносказательным выражением, по-видимому, подразумевался готовившийся высочайший указ от 19 августа 1732 г. о запрете книги «Камень веры». Не является ли это место ключом к пониманию замысла всего сочинения?

Как мы видим, все перечисленные особенности рассматриваемого сочинения, и прежде всего тот конкретный исторический и биографический материал, которым насыщен этот памфлет, не дают возможности приписать его авторство ни иностранному писателю, ни даже лютеранскому пастору, долгие годы жившему в России. При чтении памфлета перед нами вырисовывается характерный портрет

<sup>6</sup> Епископ Лев был лишён сана и монашества 2 октября 1730 г., Игнатий — 2 декабря, а Георгий — 28 декабря 1730 г.

<sup>7</sup> В рукописи ошибка, должно быть: *держащему*.

его автора — единомышленника и почитателя Петра I, крайне враждебно настроенного к покойному местоблюстителю патриаршего престола и всей партии церковных консерваторов, которых он считает лицемерами, суеверами и политически неблагонадёжными людьми. Это человек, явно причастный к церкви, по-видимому, священнослужитель, часто цитирующий Священное Писание, литургические тексты, ссылающийся на «Духовный регламент» и указы Петра, касающиеся православной церкви. В нём чувствуется широкая богословская образованность и одновременно сочувственное отношение к представителям протестантизма и догматам их вероучения. По нашему мнению, автором этого сочинения мог быть только один человек, сочетавший в себе все перечисленные выше качества и убеждения, а именно архиепископ Новгородский, первый вице-президент Святейшего синода Феофан Прокопович (1677/1681–1736), который в памфлете превозносится как «сущий стада Христова учитель, лицемерия же, суеверия, и противобожеского любочестия гонитель, в науках искусный, в рассуждении преизящного дара исполненный, в историях церковных довольно известный, муж, всякого почтения и похвал достойный» (л. 56 об.).

Однако совершенно правы те исследователи, которые отказываются безоговорочно принять версию об авторстве одного лишь Феофана Прокоповича, обращая внимание на ряд высказываний, в которых автор именует себя лютеранином («в нашей лютеранской церкви»<sup>8</sup>). Так, например, в центральной части памфлета автор от лица всех немецких протестантов проводит невыгодное для россиян сравнение русской и немецкой наций (лл. 50–52). При этом русский народ критикуется за пристрастие к мятежам, бунтам и разбоям, за склонность к преступлениям и пьянству, за неблагоговейное отношение к церковной службе. Осуждается также «лицемерие» православных постов. Эта часть памфлета, содержащая критику русской нации с позиций безусловного превосходства немцев над русскими и лютеранской церкви над православной, выдаёт следы участия иностранного, а конкретнее, немецкого автора в его создании.

Для окончательного разрешения загадки «Молотка ...» необходимо принять во внимание обширные зарубежные связи Феофана Прокоповича и привлечь к рассмотрению некоторые важные иностранные источники.

В прошлом веке немецкими учёными Р. Штупперихом, Э. Винтером, Х. Грасгоффом, а в наше время М. Шиппаном, С. Корзун и др. проводились исследования, посвящённые немецко-русским культурным связям XVIII в. В том числе была изучена переписка немецких протестантских теологов с бароном Генрихом Гюйссеном (в русской транскрипции — Андреем Андреевичем Гизеном) (1666–1739), известным историческим деятелем, который в 1702 г. был приглашён на государственную службу в Россию в качестве военного и юридического советника [8]. В 1703 г., представив царю свой «Methodus instructionis», он был назначен воспитателем царевича Алексея. Помимо задач воспитания наследника, Гюйссену было также поручено вести пропаганду российских достижений в немецких печатных

<sup>8</sup> А также обмолвка: «на наш немецкой переведено» (о Евангелии) — см. л. 53 об.

изданиях. Кроме того, он выполнял различные дипломатические поручения царя. В частности, Гюйссен был причастен к подготовке брака царевича Алексея с евангелистско-лютеранской принцессой Шарлоттой-Софией Вольфенбюттельской. Гюйссен был облечён большими правами и полномочиями в России. В 1713 г. он составил ряд проектов, касающихся внутреннего управления России: о фискалах, коллегиях, почтах, школах, майоратах. Гюйссен вёл обширную переписку со многими представителями западной науки: Лейбницем, братьями Яблонскими и др. С 1710 г. он стал почётным членом Берлинской академии наук. Гюйссен был центральной фигурой в координации действий немецких учёных и богословов в их стремлении распространить просвещение в Россию. Он помогал им налаживать контакты с русским учёным миром и представителями церкви и готовил почву для сближения двух церквей. «Подобно своим берлинским знакомым, Гюйссен стремился к созданию реформированной, независимой от Рима церкви, в которой слились бы все некаатолические христианские религии, в том числе и русская церковь» [4, с. 59]. Гюйссен, по-видимому, находился в тесном контакте с Феофаном Прокоповичем, которого высоко ценил и называл в письмах к своим протестантским друзьям «нашим другом и всеобщим покровителем» [8, с. 56]. Через Гюйсена в Германию пересылались произведения Прокоповича: так, в 1711 г. в Лейпциге на латинском языке была издана торжественная речь Прокоповича, произнесённая им по поводу Полтавской победы, в 1723 г. в Лейпцигских учёных актах<sup>9</sup> было помещено известие о «Правде воли монаршей» (в 1724 г. это сочинение Феофана было издано на немецком языке), а в 1726 г. в Гамбурге вышел немецкий перевод речи Прокоповича на смерть Петра I.

Немецкими исследователями была изучена переписка барона Гюйсена с братьями Яблонскими 1720-х – начала 1730-х гг.: 37 писем братьев Яблонских и 7 писем Гюйсена [18]<sup>10</sup>. Эта переписка и проливает свет на загадку происхождения «Молотка».

Братья Иоганн Теодор и Даниэль Эрнст Яблонские, внуки Яна Амоса Коменского (1592–1670), — протестантские богословы, которые после смерти И. Ф. Буддея продолжили полемику против книги Стефана Яворского. Даниэль Эрнст Яблонский (1660–1741), младший брат Иоганна Теодора Яблонского (1654–1731), — польско-немецкий историк, филолог, теолог и педагог, принадлежал к реформатскому крылу протестантской церкви и пользовался исключительным авторитетом как среди реформатов, так и лютеран, отличаясь не только большой образованностью, но и веротерпимостью к различным протестантским конфессиям. В 1699 г. на соборе в польском городе Лешно (Лиссе) он был посвящён в епископы Чешского братства в Польше. Многие годы Даниэль Яблонский служил проповедником при берлинском дворе Фридриха II (1701–1713). Яблонский находился в тесной связи с Г. В. Лейбницем (1646–1716) и в 1700 г. вместе с ним основал Берлинскую академию наук (Бранденбургское общество наук), стал её вице-президентом, а позднее и прези-

<sup>9</sup> «Acta Eruditorum» — научный журнал, основанный Лейбницем и Менке.

<sup>10</sup> К сожалению, это издание было для нас недоступно, и мы вынуждены цитировать письма Яблонского по публикациям С. Корзун [8] и М. Шиппана [17].

дентом (1733–1741). В 1737 г. Даниэль Эрнст Яблонский был выбран епископом Моравской церкви, так называемой церкви Братского единения (Unitas Fratrum). Яблонский был правой рукой Лейбница в планируемом им проекте соединения протестантских церквей. В своём сочинении «Краткое представление единства и различия в вере между протестантами» Яблонский доказывал, что между лютеранским и реформатским исповеданиями нет различий в самых важных и существенных догматах и что обе церкви должны соединиться под названием евангелической [2, с. 475–477]. Однако в тот период времени проект по ряду причин так и не был осуществлён.

С начала XVIII в. взоры Лейбница были прикованы к России. Он призывает немецкого пиетиста А. Франке распространить свою миссионерскую деятельность на Россию, где, по его словам, «предстоит обильнейшая жатва» [3, с. 36]. В другом письме он добавляет, что в Россию вместе с «наукою могут быть отличным образом перенесены и распространены истина и благочестие» [3, с. 26] (т. е. протестантское вероучение). На протяжении 20 лет Лейбниц предпринимает попытки через различных влиятельных лиц (в том числе через Гюйссена) сблизиться с Петром I, чтобы продвинуть свой план введения наук в Россию, организовать и самому возглавить будущую Российскую академию наук<sup>11</sup>. Однако главная и конечная цель его проекта — соединение русской и протестантской церквей, созыв для этой цели вселенского собора под эгидой русского императора. Немецкие протестанты не сомневались в готовности Петра I вместе с науками, искусствами и просвещением ввести в России и лютеранство. Правая рука Лейбница — Яблонский — также пристально интересовался русской церковью и вопросами её организации. В его библиотеке было большое количество книг иностранных авторов об истории России и её церкви. Он, как и Лейбниц, и Гюйссен, выступал за объединение не только лютеран и кальвинистов, но и православной церкви с протестантской под руководством Пруссии.

Однако выход в свет книги митрополита Стефана Яворского «Камень веры» сводил на нет многолетние усилия протестантских учёных и богословов. В каждом из 12 основных разделов книги Яворского были подвергнуты сокрушительной богословской критике основные заблуждения протестантского вероучения. Православным богословом были показаны глубокие расхождения между восточной и протестантской церквями, а протестантское вероучение было прямо объявлено еретическим. В отношении же еретиков автором считалось допустимым применять самые жёсткие меры, вплоть до смертной казни.

Немецкие протестанты восприняли издание книги «Камень веры» как вызов, который требовал немедленного ответа. Информация о книге уже в мае 1729 г. появилась в Лейпцигских учёных актах, а вслед за тем в том же году был издан полемический трактат йенского богослова И. Ф. Буддея «Апологетическое письмо в защиту лютеранской церкви» [15]. После смерти Буддея в 1729 г. Гюйссен убедил Яблонского в необходимости продолжить полемику и сочинить развёрнутое опро-

<sup>11</sup> Она была основана по указу Петра I уже после смерти Лейбница, в 1724 г.

вержение на «Камень веры». Свидетельство этого находим в написанном доминиканским монахом Б. Рибейрой «Антиапологетическом ответе католической церкви» на сочинение Буддея, где он пишет: «Уведомился я, что оные лютерские обезьяны уверяют, что Будей не вымышленно, но подлинно от живущих здесь лютеранов из Женевы призван, такожде что они к господину Яблонскому, поляку, королевско[му] Прусскому Проповеднику и советнику и Академии Наук президенту писм[енно] отзывались и ... при [том] послав к нему <...> издании Яворского..., чтобы оный... защитил» [16, с. 204]<sup>12</sup>. Примерно с 1730 г. началась подготовка Яблонского к составлению обширного полемического трактата против сочинения Яворского [18, с. 166–167; 8, с. 58, 62, прим. 35]. Яблонский не знал русского языка, и, хотя в его библиотеке было два экземпляра «Камня веры», он знакомился с текстом книги по выпискам, которые были специально для него переведены на немецкий язык. В письме к Гюйссену, написанном в мае 1730 г., он отмечал, что сочиняемое им опровержение не может быть коротким, потому что «Камень веры» — это объёмная книга с несколькими сотнями цитат из отцов церкви и церковных соборов [17, с. 232]. Однако Яблонский сомневался, сможет ли читатель воспринять столь серьёзную и сухую материю без скуки. Поэтому своё опровержение Яблонский решил написать в форме живого диалога между вымышленными персонажами: православным архимандритом, сторонником Яворского, и евангелическим суперинтендентом. Книга должна была быть издана на немецком языке, и полное её название гласило: «**Молот слова Божьего**, который разбивает камень, в разговоре между российским настоятелем монастыря Василием и евангелистским суперинтендентом в Литве Евсевиусом» [16, с. 230] (выделено мною. — О. К.). Очевидна масонская символика, заложенная в названии опровержения. Молоток в масонском ритуале — это инструмент для обтёсывания грубого, неправильного, бесформенного камня (человека), предназначенный, чтобы придать камню более совершенную, правильную форму и тем самым сделать его пригодным для строительства. Применительно к вере автор ставил своей задачей обтесать «грубую», «неправильную» веру восточного христианства с помощью «слова Божьего» (Священного Писания), очистить её от «предрассудков» и «суеверий» и сделать её пригодной для вхождения в храм будущей единой мировой религии.

7 сентября 1733 г. в гамбургском журнале «Известия Нижней Саксонии о новостях в мире науки» была напечатана пробная заглавная страница будущей книги и её содержание. В журнале были приведены заголовки планируемых 168 глав. Первая часть книги содержала критическую полемику с книгой Яворского. Перечень начальных глав труда Яблонского показывает, что автор следовал композиции глав «Камня веры»: 1) о первом предисловии, 2) о втором предисловии, 3) о 12 пунктах учения, 4) рассуждение о св. иконах, 5) о св. кресте, 6) о св. мощах, 7) о теле Христове и крове Христовой, 8) о святых, 9) о состоянии души после смерти, 10) о традициях и установлениях церкви, 11) о бескровной жертве или литургии,

<sup>12</sup> Цит. это сочинение по русскому рукописному переводу XVIII в., дошедшему с большими утратами и хранящемуся в следственном деле Маркелла Радышевского: РГАДА. Ф. VII. Оп. I. Д. 221, ч. 6. Л. 407 об.

12) о посте, 13) о добрых делах, 14) о пути грешников, 15) краткое изложение всех рассуждений. Последующие части книги содержали также описание истории восточной церкви [17, ил. на с. 230].

Хотя большая часть сочинения Яблонского была уже готова и задумывался перевод его на русский язык, у издателя Амброзиуса Хауде возникли некие финансовые и типографские затруднения. Вероятно, он сомневался в возможности реализации книги. В письме Гюйссену от 3 ноября 1732 г. Яблонский сообщает, что с печатью опровержения пока «всё в неопределённом состоянии» и выражает сомнения в возможности сбыта книги в случае её опубликования [17, с. 231]. Кроме того, в письме к нему же от 8 ноября 1732 г. Яблонский высказывает опасение, что его сочинение может быть запрещено к распространению в связи с указом русского правительства от 19 августа 1732 г. о запрете «Камня веры» [18, с. 174; 8, с. 59]. Таким образом, труд Яблонского, полностью написанный к 1733 г., так никогда и не был опубликован. Ничего не известно и о судьбе рукописи этого сочинения. При этом немецкие исследователи, которые изучали историю создания опровержения на «Камень веры» Даниэлем Яблонским, насколько нам известно, не упоминали о факте существования анонимного русского памфлета с похожим названием и не связывали между собой два этих сочинения.

Попробуем реконструировать последовательность событий. После выхода в свет «Камня веры» в 1728 г. и смерти в 1729 г. главного оппонента Яворского из протестантского лагеря, лютеранского богослова Буддея возникла срочная необходимость для создания полноценного опровержения на книгу Яворского. В России это осуществить было невозможно: после смерти Екатерины I политическая ситуация резко изменилась в пользу сторонников Яворского. После вступления на престол Петра II в мае 1727 г. ожидалось и вероятное восстановление патриаршества. Позиции Феофана Прокоповича в Синоде в это время сильно пошатнулись. Формально он оставался первенствующим членом Святейшего Синода, но реальная власть была сосредоточена в руках его противников — вице-президентов Синода архиепископа Ростовского Георгия Дашкова и архиепископа Тверского Феофилакта Лопатинского. Многие постановления Синода петровской поры отменялись указами Верховного тайного совета. Поэтому, вероятно, в конце 1729 – начале 1730 гг. Феофан Прокопович мог через Гюйссена обратиться за помощью к Даниэлю Яблонскому, высоко почитаемому в протестантских кругах богослову, которого он и сам лично знал [14, с. 368], с просьбой написать опровержение на «Камень веры».

Возможно, уже в 1730–1731-х гг. какие-то фрагменты или подготовительные наброски будущей книги Яблонского были переданы Прокоповичу через Гюйссена или кого-то другого. Однако, видя, что выход в свет немецкого опровержения затягивается, ситуация же в России с воцарением Анны Иоанновны (взошла на престол 28 апреля 1730 г.) меняется в благоприятную для него сторону, Феофан решает форсировать события и, чтобы добиться скорейшего высочайшего запрета «Камня веры», создаёт в 1731–1732 гг. свой памфлет на книгу Яворского. Несколько событий могли заставить Прокоповича торопиться с сочинением пасквиля. Во-первых, в 1731 г. в Тайной канцелярии проводилось следствие по обвинению архиепископа

Новгородского в лютеранской ереси, инициированное ревнителем чистоты православия, бывшим архимандритом, а в то время узником, старцем Маркеллом Радышевским<sup>13</sup>. Кроме того, в 1731 г. появились два ответных полемических сочинения на трактат Буддея: напечатанный в Вене упоминавшийся «Антиапологетический ответ» Рибейры и рукописный «Апокрисис» Феофилакта Лопатинского [13]. Оба сочинения были написаны в защиту Стефана Яворского и его «Камня веры» и предназначались для поднесения императрице Анне Иоанновне. Феофан был уверен в существовании целого заговора против себя сторонников Яворского: Рибейры, Евфимия Колетти, Платона Малиновского, Феофилакта Лопатинского, Маркелла Радышевского, Георгия Дашкова и других. Сознание грозящей ему лично опасности, исходившей из стана противников, и стремление убедить императрицу во враждебных по отношению к верховной власти намерениях партии единомышленников Яворского (они неоднократно упоминаются в памфлете) и стали, по-видимому, непосредственными мотивами, побудившими Прокоповича самому взяться за перо. «Рассуждение...» было написано им, скорее всего, во второй половине 1731 или первой половине 1732 г. Феофан решает воспользоваться идеей задуманного Яблонским опровержения и написать свой памфлет от лица некоего вымышленного лютеранина. Здесь, кроме прочего, автором руководило и безошибочное политическое чутьё: сочинение, написанное от лица обиженного книгой Яворского немцалютеранина, призвано было выразить как бы общее мнение, коллективный протест против неё всех знатных иностранцев-протестантов, находившихся в то время у власти в России, что должно было неминуемо напугать мнительную императрицу. Целью памфлета был политический шантаж верховной власти с требованием полного запрета книги Яворского. И своей цели он достиг.

Создавая свою литературную мистификацию, к которой он вообще был склонен, Феофан творчески отнёсся к своей задаче. Если от Яблонского им были получены какие-то фрагменты его сочинения, то они были включены в собственное повествование Феофана таким образом, что кажутся в нём почти незаметными вкраплениями. Только в отдельных случаях мы можем предположить, что автором фрагмента мог быть немец, — это относится к упоминавшемуся сравнению немецкой и русской наций, материалом для которого Яблонскому могли послужить какие-то записки иностранцев о России. Кроме того, само название сочинения Прокоповича «Молоток на “Камень веры”», утвердившееся за ним в русской литературной традиции благодаря опровержению митрополита Арсения Мацеевича, как выясняется, также имеет немецкое происхождение<sup>14</sup>.

Остаётся добавить, что Феофан Прокопович всегда преклонялся перед Германией, которую называл «матерью всех стран», и перед протестантами, именую их «людьми богатыми, сильными, учёными, опытнейшими во всех искусствах и добрыми людьми...». Он открыто признавался в любви к протестантским богословам, когда писал: «Если желаете знать обо мне, что я за человек, знайте,

<sup>13</sup> ОР РГАДА. Ф. VII. Оп. I. Д. 221.

<sup>14</sup> Хотя, как указывалось выше, ни один из известных нам списков памфлета не носит названия «Молоток».

что я всецело предан вам, любящим истину...» [10, с. 271–272]. Маска немцалютеранина, которую надел на себя аноним, чтобы спрятать своё настоящее имя, — не была ли она выражением подлинного «я» Прокоповича, который был, по меткому выражению А. В. Карташева, «религиозным иностранцем среди русской иерархии» и являлся, по его мнению, единственным в нашей церковной иерархии «вдохновенным, не головным, а именно сердечным носителем старого <...> классического протестантизма» [7, с. 235–236]?

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Арсений (Мацеевич), митр.* Возражение на пашквиль лютеранский, нареченный молоток на книгу Камень веры, который молоток показался быть восковый, яко воск от лица огня, сиречь от слова Божия, и самыя истинны исчезнувший // ОР РГБ. Ф. 299, № 118; Ф. 304, II. № 127; ОР РНБ. Ф. I. 190 и др.
- 2 *Герье В.* Лейбниц и его век. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. Т. 1. 612 с.
- 3 *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб.: Печатня В. Головина, 1871. Т. 2. 208 с.
- 4 *Грасгофф Х.* Из истории связей Берлинского Общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в. // XVIII век: Сборник 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 59–65.
- 5 *Григорьев А. Б.* Загадки сочинения «Молоток на книгу “Камень веры”» // Филаретовский альманах. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. Вып. 8. С. 97–148.
- 6 *Извеков Д.* Из истории богословской полемической литературы XVIII столетия // Православное обозрение. 1871. № 8. С. 139–171; № 9. С. 266–307.
- 7 *Карташев А. В.* К вопросу о православии Феофана Прокоповича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. СПб., 1913. С. 225–236.
- 8 *Корзун С. Г.* Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на Русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения // Славянский альманах. М.: Индрик, 2012. С. 53–63.
- 9 *Морев И. В.* «Камень веры» митрополита Стефана Яворского, его место среди отечественных противопротестантских сочинений и характеристические особенности его догматических воззрений. СПб.: Тип. «Арт. журн.», 1904. 372 с.
- 10 *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. 402 с.
- 11 *Ничик В. М.* Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. 187 с.
- 12 *Феофан Прокопович.* Избранные труды / сост., автор вступит. ст. и коммент. И. В. Курукин. М.: РОССПЭН, 2010. 623 с.
- 13 *Феофилакт Лопатинский, архиеп.* Апокрисис, или ответ на написание ответное Францишка Будеа к некоему другу, на Москве живущему, о лютеранской ереси, на книгу блаженных памяти Преосвященнейшаго Стефана Яворского, митрополита Рязанскаго и Муромскаго и прочая, нареченную «Камень веры», напечатанное в Изъезде лета 1729-го, сочиненное Феофилактом Лопатинским, Архиепископом Тверским и Кашинским — ОР БАН, № 12.7.4. 237 лл.
- 14 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1868. 762 с.
- 15 *Buddeus J. F.* Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra columnias et obtrectationes Stephano Javorsskii ad amicum. Jenae, 1729. 138 s.

- 16 *Ribera B. F.* Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias Joannis Francisci Buddei nomine evulgatas in orthodoxos latinos et graecos; quo, Petrae Fidei a Stephano Javorskio Resanensi metropolita, etc. ad evertendum Lutheri Pantheon jactae, repetitur ictus. Viennae, 1731.
- 17 *Shippan M.* Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das «Veränderte Russland» Zar Peters I // Brückenschläge. Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung / hrsg. Von J. Bahlcke, B. Dybas, H. Rudolf. Dobel, 2010. S. 223–235.
- 18 *Winter E.* Die Brüder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland // Archiv pro badani o zivote a dile Jana Amose Komenskeho. 1965. № 23.

\* \* \*

**Krashennnikova Olga Alexandrovna,**

*PhD. in Philology,*

*Institute of World Literature, Russian Academy of Science  
Povarskaya str., 25A, 121069 Moscow, Russian Federation*

*E-mail: krashennnikova.61@mail.ru*

## ANONYMUS TREATISE «A HAMMER ON THE “STONE OF FAITH”» AND ITS SUPPOSED AUTHOR

**Abstract:** «A Hammer on the “Stone of Faith”» is an anonymous Russian Lutheran pamphlet written in about 1731 against the book «The Stone of Faith» by Metropolitan Stefan Javorsky (1728). The origin of this writing is still a mystery as well as the name of its author, an unknown «Russian Lutheran». The research of recent years didn't make any attempt to reveal all the existing manuscript copies of this writing, to figure out its author, the time it was written and the consequences of its creation. To answer these numerous questions the archive researches were to be made in order to determine the most authentic copy of the writing. The second aim of the conducted research was to characterize the whole complex of social and political views of the author and polemical context the writing was created in. The Author of «A Hammer on the “Stone of Faith”» stood as an absolute proponent of the Church reform of Peter the Great. From these positions he criticises conservatively oriented priesthood — Stefan Yavorsky Metropolitan and his confederates. Ideological and stylistic similarity of the writing to Theophan Prokopovich's «Church Order» makes it possible to suppose that the author of both writings was Theophan, the Archbishop of Novgorod. The pamphlet was created with the aim to obtain the government prohibition of the «Stone of Faith». However, «A Hammer on the “Stone of Faith”» contains the traces of influence of a foreign-language writing. Theophan's relations trace back to Germany, to a well-known Lutheran theologian D. E. Jablonsky, the author of the unpublished writing «A Hammer of God's Word Breaking the Rock» (near 1731). It appears that several pieces of this writing were used by Theophan in his pamphlet «A Hammer on the “Stone of Faith”».

**Keywords:** Theophan Prokopovich, Stefan Javorsky, «Stone of Faith», «A Hammer on the “Stone of Faith”», D. E. Jablonsky, Lutheran polemics, unification of churches.

## REFERENCES

- 1 Arseniy (Matseyevich), mitr. *Vozrazheniye na pashkvil' lyuteranskiy, narechenny molotok na knigu Kamen' very, kotoryy molotok pokazalsya byt' voskovyy, yako vosk ot litsa ognya, sirech' ot slova Bozhiya, i samyya istinny ischeznuvshiy* [Remonstrance against the Lutheran pamphlet, named «The hammer on the book “Stone of Faith”», which seemed to be a wax hammer, as the wax disappeared in the fire, that is the true word of God]. *Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki* [Manuscript Division of the Russian State library]. F. 299, № 118; F. 304, II. № 127; OR RNB, F. I. 190 i dr. (In Russian, unpublished)
- 2 Ger'ye V. *Leybnits i yego vek* [Leibniz and his age]. St. Petersburg, V. Golovin Publ., 1868. Vol. 1. 612 p.
- 3 Ger'ye V. *Otnosheniya Leybnitsa k Rossii i Petru Velikomu po neizdannym bumagam Leybnitsa v Gannoverskoy biblioteke* [Leibniz Relations with Russia and Peter the Great based on the unpublished papers of Leibniz from Hanover library]. St. Petersburg, V. Golovin Publ., 1871. Vol. 2. 208 p.
- 4 Grasseff K. H. *Iz istorii svyazey Berlinskogo Obshchestva nauk s Rossiyey v 20-kh godakh XVIII v.* [From the history of the Berlin Society of Sciences relations with Russia in the 20s of the XVIII century]. *XVIII vek: Sbornik 7: Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoy kul'tury* [XVIII Century: Collection 7: The role and importance of literature of the XVIII century in the history of Russian culture]. Moscow, Leningrad, 1966, pp. 59–65.
- 5 Grigor'yev A. B. *Zagadki sochineniya «Molotok na knigu “Kamen' very”»* [Riddles of the work "Hammer of the book «Stone of Faith»"]. *Filaretovskiy al'manakh* [Filaretovskiy almanac]. Moscow, Izd-vo PSTGU Publ., 2012, issue 8, pp. 97–148.
- 6 Izvekov D. *Iz istorii bogoslovskoy polemicheskoy literatury XVIII stoletiya* [From the history of theological polemic literature of XVIII century]. *Pravoslavnoye obozreniye* [Orthodox Review], 1871, no 8, pp. 139–171; no 9, pp. 266–307.
- 7 Kartashev A. V. *K voprosu o pravoslavii Feofana Prokopovicha* [On the issue of Theophanes Prokopovich Orthodoxy]. *Sbornik statey v chest' Dmitriya Fomicha Kobeko* [Collection of articles in honor of Dmitry Fomich Kobeko]. St. Petersburg, 1913, pp. 225–236.
- 8 Korzun S. G. *Genrikh Gyuysen i bor'ba protestantov i katolikov za vliyaniye na russkuyu pravoslavnyuyu tserkov' v epokhu rannego Prosveshcheniya* [Heinrich Freiherr von Huysen and Protestants and Catholics fighting for the influence on the Russian Orthodox Church in the early Enlightenment period]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow, Indrik Publ., 2012, pp. 53–63.
- 9 Morev I. V. *«Kamen' very» mitropolita Stefana Yavorskogo, yego mesto sredi otechestvennykh protivoprotestantskikh sochineniy i kharakteristicheskiye osobennosti yego dogmicheskikh vozzreniy* [«Stone of Faith» by Metropolitan Stefan Yavorsky, his place among Russian anti-protestant works and characteristic features of his dogmatic views]. St. Petersburg, Art. zhurn. Publ., 1904. 372 p.
- 10 Morozov P. O. *Feofan Prokopovich kak pisatel'. Ocherk iz istorii russkoy literatury v epokhu preobrazovaniya* [Theophan Prokopovich as a writer. Sketch of the history of Russian literature in the era of transformation]. St. Petersburg, V. S. Balasheva Publ., 1880. 402 p.

- 11 Nichik V. M. *Feofan Prokopovich* [Theophan Prokopovich]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 187 p.
- 12 Feofan Prokopovich. *Izbrannye trudy* [Selected Works], compiler, the author of the introductory article and comments I. V. Kurukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 623 p.
- 13 Feofilakt Lopatinskiy, arkhieyp. *Apokrisis, ili otvet na napisaniye otvetnoye Frantsishka Budea k nekoyemu drugu, na Moskve zhivushchemu, o lyuteranskoy yeresi, na knigu blazhennyya pamyati Preosvyashchenneyshago Stefana Yavorskogo, mitropolita Ryazanskago i Muromskago i prochaya, narechennuyu «Kamen' very», napechatannoye v Ienne leta 1729-go, sochinennoye Feofilaktom Lopatinskim, Arkhiyepiskopom Tverskim i Kashinskim* [Apokrisis or reply to the response written by Franciszek Buda to some friend, who lives at Moscow, on the Lutheran heresy, on the book of blessed Reverend Stephen Yavorsky, Metropolitan of Ryazan and Murom and other, named «Stone of Faith», published in the summer of 1729, composed by Feofilakt of Lopatin, Archbishop of Tver and Kashin] — OR BAN, no 12.7.4. 237 ll. (In Russian, unpublished)
- 14 Chistovich I. A. *Feofan Prokopovich i yego vremya* [Theophan Prokopovich and his time]. St. Petersburg, Imp. Akademia Nauk Publ., 1868. 762 p.
- 15 Buddeus J. F. *Epistola apologetica pro ecclesia lutherana contra columnias et obtrectationes Stephano Javorsskii ad amicum* [Letter of Apology for the Lutheran Church and the criticism against columniations Stephen Javorsskii to a friend]. Jenae, 1729. 138 p.
- 16 Ribera B. F. *Responsum antapologeticum ecclesiae catholicae contra calumniosas blasphemias Joannis Francisci Buddei nomine evulgatas in orthodoxos latinos et graecos; quo, Petrae Fidei a Stephano Javorskio Resanensi metropolita, etc. ad evertendum Lutheri Pantheon jactae, repetitur ictus* [The answer of the Catholic Church against the mischievous taunts of John Francis Budd made public in the name of orthodox Greek and Latin; which, Petra Faith by Stephen Javorskio Resanensi Metropolitan, etc. Luther's throw to overthrow the Pantheon, repeated blows]. Viennae, 1731.
- 17 Shippan M. Daniel Ernst Jablonski und die Auseinandersetzungen um das «Veränderte Russland» Zar Peters I [Daniel Ernst Jablonski and the debate about the "Changed Russia" by Tsar Peter I]. *Brückenschläge. Daniel Ernst Jablonski im Europa der Frühaufklärung* [Building bridges. Daniel Ernst Jablonski in Europe early Enlightenment], translation Von J. Bahlcke, B. Dybas, H. Rudolf. Dobel, 2010, pp. 223–235.
- 18 Winter E. Die Brüder Daniel Ernst und Johann Theodor Jablonsky und Russland [The brother Daniel Ernst Jablonsky and Johann Theodor and Russia]. *Archiv pro badani o zivote a dile Jana Amose Komenskeho* [Archive for research on the life and work of Jan Amos Comenius], 1965, no 23.